СОДЕРЖАНИЕ

Очерк 1. «Только березку не трогай!» Предисловие о перипетиях этого исследования *(Игорь Нарский)* 7

Очерк 2. «С чего начинается Родина?» Вводные ориентиры . 15

Очерк 3. «Стоят березы русские, как матери…»: по страницам журнала «Работница» 33

Очерк 4. «Я думаю, любовь к березе торжествует за счет любви к человеку»: критический дискурс о «русском дереве» в позднем СССР 95

Очерк 5. «Во поле березонька стояла»: «песенное дерево» в крестьянской традиции 119

Очерк 6. «Русский лес»: «сорное» дерево в российском и советском лесоводстве? 139

Очерк 7. «Отговорила роща золотая…»: открытие символического русского ландшафта российской культурой XIX — начала XX века 177

Очерк 8. От «пяди родной земли» к «краю родному, навек любимому»: неприметное «врастание» березы в культуру сталинской эпохи 216

Очерк 9. «Стоит береза фронтовая», или От «Белой березы» к «Черной березе»: древесное место памяти о Великой Отечественной войне в 1940–1980-е годы 263

Очерк 10. «Березу любят все»: береза в национальной идентичности позднесоветских россиян 317

Очерк 11. «Березы в кадках»: маркер российской эмигрантской ностальгии 365

Очерк 12. «Пусть растут „Березки“!»
По следам книги Анны Ивановой 393

Очерк 13. «Русское слово „березка“ стало понятным и близким на всех языках планеты»: хореографический триумф 413

Очерк 14. «Отчего так в России березы шумят?»
Культурные кольца русской березки
(заключительные размышления) *(Игорь Нарский)* 468

Очерк 15. «И береза прорастает через ребра в небеса»:
Дискурс о русской березе в XXI веке (вместо послесловия) 483

Приложение 1. Березовые мотивы на страницах
журнала «Работница»: по годам (1935–2002) 504

Приложение 2. Березовые мотивы на страницах
журнала «Работница»: по десятилетиям (1935–2002) 506

Приложение 3. Соотношение вербальных
и визуальных сообщений о березе в «Работнице» 507

Приложение 4. Упоминания березы на страницах
советской и постсоветской прессы
(по материалам информационного сервиса East View) 508

Приложение 5. Количество текстов с упоминаниями березы
в материалах сайта Национального корпуса русского языка 509

Приложение 6. Хронология советских и постсоветских стихов
и песен о березе (по материалам челябинского
библиотечного блога «ВО!круг книг») 510

Приложение 7. Половозрастной состав авторов
советских стихов и песен о березе 511

Приложение 8. Репрезентация березы в русскоязычных
дневниках и воспоминаниях (по материалам корпуса
дневников сайта «Прожито») 512

Примечания 513

Библиография 563

Список иллюстраций 598

Очерк 1

«ТОЛЬКО БЕРЕЗКУ НЕ ТРОГАЙ!»

ПРЕДИСЛОВИЕ О ПЕРИПЕТИЯХ ЭТОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

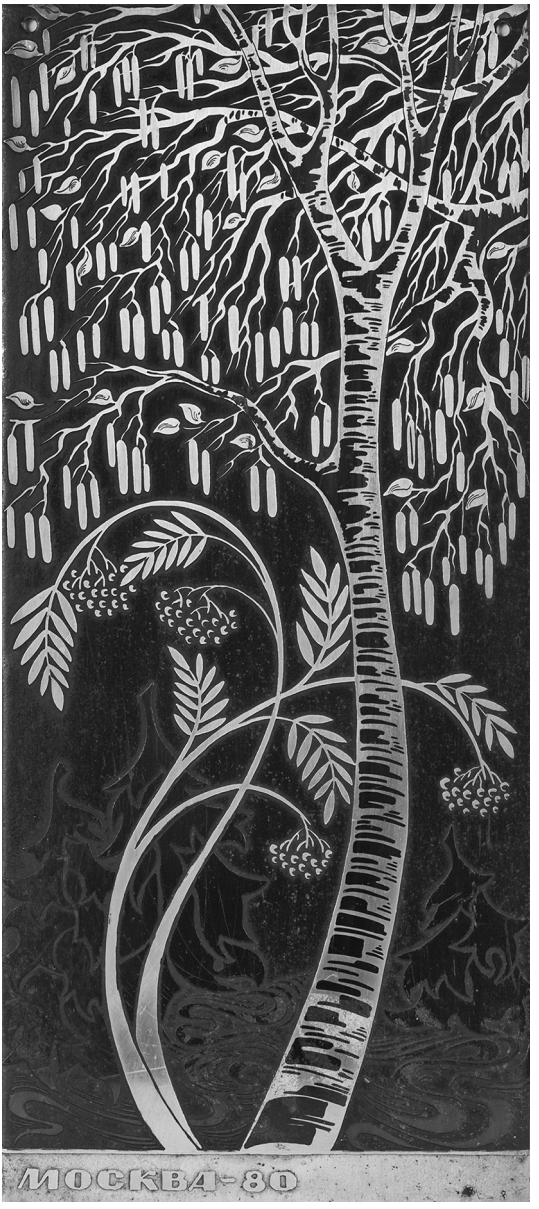
(Игорь Нарский)

Наталья: С чего началась вся эта история?

Игорь: С легкого беспокойства.

> Общий принцип теории действия в том и состоит, что исполненное действие отличается от задуманного.
>
> *А. Щюц, 1971*[1]

Эта история началась давно, в разгар перестройки. Мы, 25-летние недавние выпускники истфака юного провинциального университета, частенько собирались в гостеприимной квартире одного из нас, Бориса, и его милой жены Оксаны. То было время больших надежд и открытий. Мы жадно читали и живо обсуждали публикации в центральных газетах и толстых журналах, открывали новые имена и старательно наверстывали знакомство с авторами и текстами, ранее запрещенными. Борис, образованный, пожалуй, лучше всех нас, был душой компании, главным спикером и модератором наших дискуссий. Он додумывал мысли до конца и высказывался однозначно и решительно. В то время как начинающий директор школы Юрий сомневался,



Декоративное панно «Березка».
Конец 1970-х — 1980-е

можно ли рассказывать школьникам о неожиданных разоблачениях в СМИ непредсказуемого советского прошлого, Борис настаивал на том, что о необратимых переменах в советской политике можно будет говорить только тогда, когда наши войска будут выведены из Афганистана. К его мнению мы прислушивались.

Иногда застольные разговоры и танцы до упаду прерывались ради нового фильма. Не помню, смотрели ли мы вместе литовский фильм «Воскресный день в аду», снятый в 1987 году Витаутасом Жалакявичюсом по собственному сценарию совместно с Альмантасом Грикявичусом и Автандилом Квирикашвили. Фильм повествует о двух беглецах из нацистского лагеря для советских военнопленных, которые вынуждены один день летом 1944 года провести на балтийском взморье, на пляже для отдыхающих офицеров вермахта и СС. В картине есть сцена, где не владеющий немецким Денис (Владимир Богин) вынужден танцевать среди берез с пьяной дочерью епископа Ингеборгой (Ингеборга Дапкунайте), которая едва ворочающимся языком рассказывает не понимающему ее советскому моряку: «Нравятся тебе березы?* Мой жених писал из России, что там березы, как у нас. Представляешь? Немецкие березы в русской пустыне…»[2]

Не помню я и того, обсуждали ли мы картину в гостях у Бориса и Оксаны. Но несколько дней спустя после трансляции фильма Борис рассказал мне (мы тогда работали вместе, вернувшись после защиты кандидатских в alma mater) о разговоре с женой. В своих рассуждениях о незавидной судьбе советского патриотизма он упомянул и сцену из фильма, в которой образ «русской березки» оказался не столь уж непоколебимым. Спокойно относившаяся к прочим критическим высказываниям мужа Оксана

* В оригинале: «Ты любишь лес?»

неожиданно вспылила: «Только березку не трогай!» В тот раз мы беззлобно рассмеялись, да и только. А само выражение стало для нас метафорическим маркером для определения границы, заступать за которую в дискуссии нельзя.

Разговор в конце 1980-х я считаю первым импульсом к проекту, которому посвящена эта книга. Именно тогда, вероятно, я обратил внимание и на собственное внутреннее беспокойство, вызванное покушением на «русскость» березы, и на сильную эмоциональную реакцию участницы диалога, резко оборвавшей его.

Вскоре мне вспомнился эпизод из фильма Жалакявичюса и рассказ Бориса о разговоре с Оксаной. В вагоне московского метро я, как многие в те годы, коротал время за книгой. В тот раз это была повесть Сергея Довлатова «Заповедник». На первых страницах я наткнулся на резкое высказывание писателя о любви к березке: «Я думаю, любовь к березе торжествует за счет любви к человеку. И развивается как суррогат патриотизма…»[3] Кажется, тогда я впервые подумал, что любовь к березке в нашей стране достойна специального исследования.

Но сам я исследовать корни привязанности соотечественников к этому дереву не собирался. Лет через двадцать после знакомства с фильмом Жалакявичюса и повестью Довлатова у меня состоялся стихийный разговор во время случайной встречи в салоне самолета. Осенью 2009 года, во время полета в Москву, я расспрашивал о планах на будущее занявшего соседнее кресло моего бывшего студента и аспиранта Александра Фокина. Вот тогда-то я не вполне серьезно посоветовал ему когда-нибудь заняться историей превращения березы в «русское дерево». Через несколько месяцев на небольшой конференции, в которой мы оба принимали участие, я с радостным удивлением услышал выступление Александра о березе как неофициальном символе России. К его вскоре опубликованному тексту

мы еще вернемся[4]. Но мне помнится ощущение некоторого разочарования по поводу незначительности и предсказуемости результатов первого подхода моего ученика к предложенной теме.

В следующий раз к вопросу о березе как возможному исследовательскому объекту я вернулся еще через несколько лет. Во время работы в Мюнхене над книгой о советской хореографической самодеятельности[5] у меня произошел разговор с профессором восточноевропейской истории Мартином Шульце Весселем о планах на будущее. На дворе стоял 2014 год, и я подумывал о длительном отъезде из страны. Мартину я назвал тогда несколько тем, которые привлекли бы меня в качестве больших исследовательских проектов. В числе первых в моем списке было две: культурная история березы и история обонятельной культуры в России. Вторая показалась моему собеседнику намного интересней первой, и это решило дело. Я безо всякого сожаления отложил исследование «русского дерева» в пользу ольфакторной истории СССР. Историей запахов я занимался несколько лет, но после отклонения двух заявок в 2015 и 2016 годах от дальнейшей работы над этой действительно богатейшей жилой отказался, ограничившись несколькими выступлениями и программной главой в монографии[6].

Примерно с осени 2017 года мой интерес к «березовому проекту» стал приобретать более систематический характер. Я замещал в то время в Мюнхенском университете им. Людвига и Максимилиана профессора Шульце Весселя и для каждого семестра должен был предлагать новые учебные курсы. На летний семестр 2018 года я запланировал семинарский курс «Береза в русской культуре XIX–XX веков, или История символов русского патриотизма». Центральной задачей курса было обсуждение вопроса о том, каким образом береза превратилась в России и в русскоязычных сообществах за рубежом в объект эстетического любования,

в инструмент национального воспитания, патриотической мобилизации и ностальгии, с одной стороны, и в аргумент критики квасного патриотизма и китча, с другой. На примере этого конкретно-исторического кейса хотелось больше узнать о возникновении, развитии и функционировании русского национализма, его языка и связанных с ним образов. С того момента я начал собирать все, что могло пригодиться для обсуждения со студентами. Меня интересовали научные, научно-популярные, художественные, поэтические и фольклорные тексты о березе; аудиовизуальные репрезентации березы в качестве дерева, лейбла и символа на картинах, плакатах, в художественных фильмах, музыке; дидактические материалы для внеклассных патриотических занятий в современной российской школе; ностальгические или ироничные высказывания эмигрантов о березе в социальных сетях, недоуменные реакции туристов из России на то, что береза произрастает и любима не только в России. Моя жена Наталья, оставшись в России, с энтузиазмом включилась в поиски материалов и очень помогла мне в подготовке курса.

Хронологически центр тяжести впервые проводившегося в 2018 году курса лежал в XIX столетии. Я был твердо уверен, что в советское время культ березы не нужно было изобретать, поскольку он, как я полагал, вполне оформился до 1917 года и был в готовом виде позаимствован советскими властями. Однако во время работы со студентами я еще раз удостоверился, что преподавание помогает исследователю не только для презентации промежуточных и окончательных результатов научных проектов, но и в самом начале исследования, когда только-только формулируется постановка вопросов и комплектуется источниковая база. Стремительные перемены в моей исходной концепции отразились в прощальном выступлении перед коллегами в Мюнхене весной 2019 года, когда я покидал

университет. Для итогового публичного доклада я выбрал «березовую» тему, решив в обозримой перспективе заняться ее исследовательской разработкой. Стержневая идея доклада заключалась в том, что превращение березы в «русское дерево» произошло не в царской России, а в СССР, и особыми импульсами для этого стали Великая Отечественная война и поздний сталинизм. При этом превращение березы в символ России виделось мне как своего рода государственное мероприятие. Я надеялся в этой связи, например, найти партийные, правительственные и министерские решения по поводу присвоения названия «Березка» женскому танцевальному ансамблю (1948) и сети валютных магазинов (1961).

Мой путь из Мюнхена лежал в Ольденбург, где планировалось двухлетнее преподавание в университете под началом профессора Мальте Рольфа. Одновременно я должен был совместно с моим шефом составить заявку на трехлетнее финансирование исследования со стороны главного немецкого научного фонда — Германского исследовательского сообщества. В основу проекта были положены идеи, выработанные в Мюнхене и обогащенные чтением литературы об истории лесов, семинарскими занятиями с ольденбургскими студентами и докладами на коллоквиумах в разных странах.

Два обстоятельства вмешались в исследовательские планы. Во-первых, в результате пандемии коронавируса я с весеннего семестра 2020 года вынужден был преподавать в Ольденбурге дистанционно, вернувшись в Россию. Во-вторых, в конце 2020 года от предполагаемого грантодателя пришел мотивированный отказ. В результате я не только остался дома, но и в обстановке вынужденной самоизоляции приступил в соавторстве с женой к написанию книги о мюнхенском блошином рынке, любительское исследование которого начал во время работы в Мюнхене

в 2017–2919 годах. Этой работе было отдано два с лишним года[7]. В итоге проект о культурной истории березы в очередной раз был отложен.

Итак, у этой книги есть предыстория длиною в четверть века. Предыстория, полная перипетий, крутых поворотов, отступлений, открытий, надежд и разочарований. Конечный пункт этой исследовательской Одиссеи невозможно было предугадать. То, что в конце концов получилось, серьезно отличается от намерений и планов, которые вынашивались в разные годы, от гипотез и образов, грезившихся в разных «гаванях» и манивших в неведомые дали. Пора перейти к тому, что случилось после решения наконец-то приступить к созданию большого исследовательского текста.